

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КАК ТИП АНТРОПОПРАКТИК*

Е.Е. Тихомирова

Новосибирский государственный
педагогический университет
Российский государственный
гуманитарный университет

imktikhomirova@mail.ru

Статья посвящена изучению речевых антропопрактик в их исторической изменчивости. Автор с точки зрения системного и аксиологического подходов делает попытку выявить набор и функции речевых практик. Делается вывод том, что в истории коммуникации первоначально произошла дифференциация синкретичного визуального сообщения и переход к разветвленным речевым практикам. Они стали способом осознания себя и мира, самовыражением, передачей мышления в личную культуру, давали практику построения отношений и существования в отношениях, были духовной практикой поиска истины. На современном этапе констатируется сокращение вербального компонента в речевых практиках, уход от смыслов и обращения к синкретичным визуальным образам. Структуры повседневности, которые игнорируют или затемняют универсальные смыслы, человеческой деятельности, не могут, по мнению автора, стать полноценным культурным ресурсом. Предлагается обратиться к практике возвращения смыслов через актуализацию содержания базовых концептов культуры при работе со словом. Поскольку речевая деятельность подчиняется законам человеческой деятельности вообще, то работа со словом позволяет подойти к осмыслению универсальных смыслов, определяющих человека, к его родовым характеристикам, к их проговариванию и проживанию.

Ключевые слова: культура, антропопрактика, слово, концепт, субъект, действие, объект, деятельность, культурная универсалия.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.2-14-21

Сегодняшнее бытие человека в культуре и языке можно охарактеризовать как бытие в пространстве с размытыми границами поля разрешений и запретов. В предыдущие эпохи культура и язык имели сложное архитектурное строение с прямыми отсылками, цитатами, скрытыми репликами, освоением и присвоением в различной степени и форме универсалий культуры. Сегодня в поле массовой культуры человек зачастую отсылается к ближайшему опыту, отдаленному на 5, максимум 10 лет, таким образом, культура и язык воспроиз-

водят самих себя «нынешних». «Высокое» и «низкое» легко меняются местами, любая ценность становится относительной. Нивелируются исконные концепты русского менталитета, исчезают и их оппозиции (истина – грех, честь – предательство), несущие нормативную составляющую. К сожалению, и споминутная погоня за «языковой компетенцией», особенно в области английского языка, а, следовательно, американизированного варианта видения и восприятия мира, приводит к экспансии американской культуры, что произошло в Европе.

* Работа выполнена в рамках проекта «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека» при поддержке Российского научного фонда (Грантовое соглашение № 14-18-03087).

Вместе с наплывом иноязычных, инокультурных компонентов, зачастую намеренно насаждаемых и неадаптированных к иной среде, вымываются прежние ценности, характерные для русской ментальности, носителем которой была интеллигенция. На смену долго бытовавшим в России собственным моделям поведения приходят модели, господствующие в американском постиндустриальном обществе, которые занимают приоритетные позиции в качестве носителей значимых для личности ценностей. Они становятся для личности ключевыми единицами ее картины, иерархически подчиняющими себе остальные языковые единицы, значение и смыслы (например, изменение сущности концепта «деньги» и «власть» в современном русском языке; «нефть» становится метафорой культуры, цивилизации, всего мира).

Элементы языковой картины мира перестают адекватно отображать в знаках связи и отношения реальной действительности, и универсальные общечеловеческие ценностные ориентиры. В этом случае можно говорить о мифологизации картины мира языковой личности, причем личность может не осознавать этого. Одна из причин таких изменений – целенаправленные действия господствующих социальных институтов по манипулированию общественным сознанием. Современный человек в массе своей говорит на обезличенном языке, языке упрощенном и не жизнеспособном. За многие годы произошло некое вавилонское смешение языков – сближение разговорного с неценным и маргинальным, полукультурного с канцелярским. А за этой пестротой и смешением – наше мировидение и мировосприятие, сформированное современными средствами массовой информации. Такой язык заслоняет

реальность, она преломляется через призму искусственных, сконструированных категорий, симулякров.

Такие, например, феномены как политика, преступность, сексуальность, настолько прочно вписаны в «реальность», называемую «масс-медиа», что отделить «вымысел» от «действительности», и то, что обязательно своим существованием «самой жизни», от того, что существует «только на экране», почти невозможно. Сам же образ жизни человека приобретает все более виртуальный характер, он «сделан» СМИ. Последние навязывают ему ценности и стандарты потребления и превращают его в некоторое подобие чистой поверхности, на которой они могут наносить любые письмена в виде марки джинсов, модели сотового телефона, эстетических и идеологических предпочтений. Он подвержен «сборке» и «разборке» в зависимости от действующей в настоящий момент власти, а в образовании он создается с помощью «технологии» по «технологической карте».

Поэтому преподавание философии, культурологии, классических языков, основ религиозных культур и светской этики необходимо как средство адекватной оценки медиа, их информации и влияния на человека и должно дополняться рассуждением о мире, сознании, познании себя и мира.

Язык как система в сосюрловском понимании расчленяет видение универсума и закрепляет представления о «кусочках действительности» в человеческом сознании. Далее в антропологическом ключе в психолингвистике было развито учение о познавательной роли языкового знака при осуществлении человеком мыслительной деятельности: «Благодаря познавательной функции языка мы понимаем его функцию, основывающуюся на понятийной ор-

ганизации и классификации впечатлений (наблюдений), к этому, собственно, сводятся все словообразовательные процессы» [3, с. 194].

Язык, обладая базовым набором функций, в первую очередь коммуникативной, когнитивной и экспрессивной, отражает связь двух сторон человеческой деятельности: рациональной и аффективной. Первоначально познание действительности, вероятно, происходило в рамках поэтического, мифологического сознаний. Именно миф в поэтической форме, а затем эпос хранят культурную специфику освоения и восприятия мира. Именно в этот период складываются основы литературного языка. Волюнтаривно-магическая функция с исторической точки зрения играла важную роль в освоении времени и пространства, в освоении и присвоении человеком окружающего мира. На лексико-семантическом уровне языка в полной мере реализуются все функции. Ведущими являются коммуникативная и когнитивная. Эмотивную функцию выполняет метафора как универсальное средство производства эмоционально окрашенных значений. На грамматическом уровне для волюнтаривной функции сформированы звательный падеж, повелительное и желательное наклонения. С другой стороны, они начинают отражать выработанную когнитивную картину мира – категории времени (прошлого – настоящего – будущего), единичности – множественности, завершенности – незавершенности действия, субъекта – объекта и т. д.

Можно отметить со временем разрастание рационально-технологического набора функций. Так, поэтическая функция, изначально связанная с когнитивной, все более становится технологичной при формировании личностного начала в человеке,

появлении автора, сознательно работающего над отбором языковых средств (тропов, фигур речи). В античности на базе поэтической функции вырастает риторика как наука об использовании языковых средств, с тем же связана софистика. Названные функции формируются для выживания человеческого общества и формирования его как социокультурной организованности в отличие от животного мира.

Движение сознания человека, вероятно, происходит путем расчленения исходного синкретичного изображения и появления изображения действующего человека в окружающем мире, во времени и пространстве [4], затем от жеста к членораздельному звуку. Процесс развития языка проходит по линии формирования вербального компонента, его дифференциации, выполнения роли познания мира, систематизации, иерархизации, выстраивания в нем универсальных глобальных связей от ритуала с минимальным вербальным компонентом к мифу, фольклору, молитве, поэзии, философии, риторике, роману. Начиная с XX века глобальные связи становятся настолько дифференцированными, а в человеке вследствие настойчивой культивации настолько разрастается индивидуалистический компонент, центристремительные тенденции, что охватить его и себя человек может, лишь возвратившись к синкретичному изображению, в котором наблюдается уменьшение вербального компонента и вынесение за скобки не только бога, но и мира вообще.

В связи с изменением человека появляется новое видение его, новое представление о его вхождении в культуру не по единому универсальному пути, а разными путями через акт овладения человеком «...некоей внешней, предзаданной, извне суще-

ствующей формы жизни и культуры. На этом строится вся психология развития. Извне дана культурная форма, человек берет ее как чужую, овладевает ею и делает своей. В этом концепте развития будущее связано с усилием и волеием этого индивида, который овладевает культурной формой. Будущее сокрыто и предопределено тем, что этот индивид желает сейчас и что он переживает сейчас как недостаток чего-то в будущем. Но это будущее переживается сейчас, причем как то, чего недостает. Потому субъект и стремится в будущее через освоение, овладение, преодоление. Здесь будущее связано с усилием, волеием, субъектным действием» [5, с. 317].

Современные исследователи, разрабатывающие концепты антропопрактик, утверждают, что исторически с точки зрения человека история – это процесс «антропосинтеза», собирания проектов человека, которых было много. За признанием идеи мира миров идет признание миров человеческих. Проекты человеческие лепятся, конструируются, созидаются. Они – рукотворны, создаются посредством культурных практик. Антропотехника – способ, метод становления человека, человеческого в человеке. Необходим поиск кардинально нового способа бытия человека, построенного на принципах автопоэзиса [6]. Человек постоянно пребывает в режиме самоопределения и самопреодоления, экстатирования и трансцендирования. Ресурсом развития является опора не на элитные части культуры, не на богемность утонченных структур (привычное представление о культуре), а на структуры повседневности, превращение их в культурный гумус, культурный ресурс, включение в новый антропологический тип всех структур, не только тех, что привычно относятся к культурным практи-

кам (философия, религия, искусство), но и повседневных и экзистенциальных.

Если мы посмотрим на набор современных речевых практик, то увидим, что сегодня классические речевые практики ушли на периферию культурного процесса, стали элитарными. В ядро переместились только те, которые сумели приспособиться под массового потребителя. Религия в виде блогов в интернете расщепилась на секты, искусство превратилось либо в компиляцию и эпигонство, либо, оставив универсальные смыслы, превратилось в некий вид самовыражения, столь важного в современном мире.

Универсальный смех как диалог низшего с высшим, как взаимное осмеяние, комизм разрывов общения, парадоксов подмены, пикировки и перепалки стилей, выворачивания верха и низа, бой Поста с Масленицей [1] превратился в комедийные шоу. Их авторы и исполнители смешивают заведомо воспламеняющиеся элементы национального менталитета *своей – чужой*, истину с ложью и выворачиванием и подтасовкой фактов, потрафляя низким запросам публики, не возвышая ее до элитарной культуры, а заведомо идя у нее на поводу. Слава шутника, жонглирующего обценной лексикой стали трендом ведущих телеканалов. В жанре stand-up comedy смех приобрел черты запредельного хохота, а сам заведомо маргинальный жанр, шоу шутников-одиночек стал весьма популярен.

Еще одна современная речевая практика – троллинг во всемирных социальных сетях, как способ нагнетания конфликта и агрессии, заменил классический жанр сатиры и памфлета. Даже диалог превратился в ток-шоу, хитрость которого в современной российской действительности заключена

в том, что при внешней форме свободной дискуссии телезрителям транслируется и внушается одна, строго ограниченная в своих параметрах позиция.

Если согласиться с позицией современных антропопрактик, то следует различать практики познания (языка, речи, текста) и практики преобразования (языка, речи, текста). Первые – это языковые практики анализа языка, речи, текстов. Большинство разработок в филологии, по-видимому, относится к этому типу практик (познавательному). Например, концепция языка Ф. де Соссюра, металингвистика М.М. Бахтина, теория речевой деятельности Дж. Остина, Тартуская семиотическая школа, концепция языковой игры Л. Витгенштейна.

В работе «Философские исследования» Л. Витгенштейн перешел к деятельностному видению языка, то есть языка в его реальном бытовании. Он вводит понятие «языковых игр» [2]. Работа учителем в сельской школе, размышления над изданием школьного учебника, когда он окунулся в народную стихию языка, привели его к мысли, что существует некая реальность, которую он называет языковой деятельностью, практикой языка, собственно языком. В связи с этим он приводит знаменитое сравнение языка с городом, его жизнью, которая также иерархична, разнообразна и невозможна без многоликости жизни языка его населения. Он считает, что весь язык и вся человеческая жизнь – совокупность языковых игр, образующих повседневный контекст бытия субъекта, служат основой для его осмысленного поведения. Языковая игра – это форма самой жизни, сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка.

Некоторые исследования в филологии осуществляются на стыке с культурологи-

ей, и языковая практика интерпретируется как практика определенной культуры, мировоззрения, образа мира. К области практик преобразования в филологии можно отнести практики всякого рода языкового творчества: прежде всего, конечно, риторические практики, т. е. практики говорения; практики спора, дискуссии, полемики, аргументации; знания и способы практикования в тех или иных литературных жанрах, стилях, дискурсах, формах. И конечно, практика билингвизма англо-русского, машинно-естественного, родного-иного стала повседневной речевой практикой.

Русский язык в русском мире в этой современной ситуации продолжает играть роль инструмента получения основной информации о мире и изменениях в нем. Эта информация структурирована благодаря философским категориям (пространства, времени, целого, части, общего, единичного и т. д.), с помощью которых человеческое сознание организует свое представление о мире. Язык вообще существует ради человека. Аспект обратной связи чрезвычайно важен. Если прямая связь – это фиксация представлений о мире, то обратная связь – это трансляция с помощью языка уже сформированных представлений, сведений о мире, передаваемых от человека к человеку, от поколения к поколению. И тогда закономерно язык выступает как средство моделирования человеческого поведения. Язык расчленяет видение универсума и закрепляет представления о «кусочках действительности» в человеческом сознании. В психолингвистике учение о познавательной роли языкового знака в осуществлении человеком мыслительной деятельности развивал В. Дорошевский: «Благодаря познавательной функции языка мы понимаем его функцию, основывающуюся

на понятийной организации и классификации впечатлений (наблюдений), к этому, собственно, сводятся все словообразовательные процессы» [3, с. 191].

Вербальная коммуникация, будучи средой обитания человека, формирует личность человека, создает условия для развития его интеллекта, воспитания, образования, то есть формирования его человеческого образа, «окультуривает» его. Сам предмет, содержание текстов дает возможность осмысливать повседневную жизнь. Человек, являясь существом, наделенным сознанием, чтобы оставаться таковым, должен обращаться к фундаментальному знанию, искать смысл жизни, стремиться к добру и избегать зла, тем самым строить свою жизнь.

Поэтому важнейшие задачи, стоящие перед гуманитарными науками состоят в том, чтобы воспитывать независимость, привычку жить внутренней жизнью, воспитывать индивидуальную ответственность. Необходимо приложить усилия к изменению способа существования субъекта, превращению его из запоминающего и обучающегося автомата в живую личность.

Воспитание человека с помощью языковых техник существовало еще в античности. Школа софистов и школа Сократа разработали новый способ воспитания человека посредством обучения публичной речи – красноречию и риторике. Уже тогда было принято считать, что для того, кто умеет пользоваться языком, открывается доступ к участию в жизни гражданского общества. В эпоху античности язык представлялся единым. Античная языковедческая традиция занималась изучением исключительно письменных образцовых, нормированных текстов. Любое отхождение от нормы

расценивалось как порча текста. Однако со средневековья появилась возможность отклонения от нормы, сохранившаяся до настоящего времени. В центр мировоззрения постепенно ставится человек как личность, средоточие природных (материальных), божественных (духовных) начал, что приводит к противопоставлению индивидуальных представлений (концептов), реализуемых в субъективных использованиях языка (речи). Концепт формируется речью и фиксирует, начиная со средних веков, разделение прежде единого слова на язык и речь.

Сама языковая система, видимо, была заложена априори. В ней выражается взаимоотношение человека с миром. Для выживания человеку необходимо адекватное самовосприятие. Адекватность же, в свою очередь, заключается в целостности этого восприятия, выявлении границ «от... и до...», что и составляет бинарную оппозицию. Концепт «*границы*», вероятно, является коренным для нравственного отношения к миру. Он имеет конкретный пространственный образ борозды, межи, стены и соотносится с культурной универсальной бинарной оппозицией «*свой – чужой*».

Многие культурные концепты находятся на периферии языкового сознания (даже на уровне обыденного понимания) и весьма размыты. Очевидна необходимость актуализации культурных концептов, что, с нашей точки зрения, возможно сделать средствами самого языка, его универсальных структур, над которыми надстраиваются универсалии культуры.

Наши наблюдения предполагают включение в значение слова и древнейших смыслов, так как они имплицитно присутствуют в новых европейских языках, генетически

связанных с латинским и древнегреческим языками, и связь эта не прерывалась. Именно здесь следует увидеть основное предназначение работы: учить слушать и слушать другого, вступать с ним в диалог на основе культурных универсалий. Анализируя школьную программу, можно, с одной стороны, отметить движение в сторону совершенствования коммуникативных (устных, речевых) компетенций учащихся. С другой стороны, наблюдается сокращение роли мировоззренческого компонента. Деятельностный подход и к речевой практике, и к учебным действиям, которые сегодня принято называть универсальными, декларируется достаточно вяжно. Собственно, такая ситуация отражает выдвигание на первый план коммуникативной функции языка и смещение когнитивной функции из ядра на периферию. Очевидно, что в процессе преобразования российского общества на первый план вышли речевые, устные навыки: формы монолога, диалога.

Речевая антропопрактика – это мыслительные, проектные практики работы с человеком, развитие и выращивание в человеке «собственно человеческого» средствами образования. Это жизненное пространство обретения индивидуальной субъектности в деятельности и личностной позиции во встречах с Другим. Это специальная работа в пространстве субъективной реальности человека, которая задается пространством человеческих Встреч: пространством

со-бытийной общности, пространством совместно- распределенной деятельности, пространством рефлексивного со-знания. При таком подходе необходима пошаговая методика актуализации культурных концептов на основе речевых антропопрактик, связанных с основными отечественными традициями через глубинные культурные смыслы, зафиксированные в языке и в лучших художественных текстах отечественной культуры [7, с. 54–61].

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса : 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования; пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 347 с.
3. *Дорошевки В.* Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский // Пер с польск. В.Ф. Коновой. – М.: Прогресс, 1973. – 286 с.
4. *Мириманов В.Б.* Универсалии дописьменного искусства // Литературные архетипы и универсалии. – М.: РГГУ, 2001. – С. 11–72.
5. *Смирнов С.А.* Чертов мост: Введение в антропологию перехода. – Новосибирск: НГУЭУ, 2010. – 492 с.
6. *Смирнов С.А.* Автопозис человека. Философские очерки по антропологии стиха. – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – 389 с.
7. *Тихомирова Е.Е., Колечкова О.И.* Этические концепты культуры как основа воспитания // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3. – С. 54–61.

SPEECH PRACTICES AS A TYPE OF ANTHROPOPRACTICES

E.E. Tikhomirova

Novosibirsk State
Pedagogical University,
Russian State Humanitarian University

imktikhomirova@mail.ru

The author studies the speech antropopractices in their historical variability. The article is written from the point of view of the system and axiological approaches. Using the above mentioned approaches the author makes an attempt to identify a set of functions and speech practices. It is concluded that in the history of communication the differentiation of syncretic visual message and the transition to different branches of speech practices appeared first. They became a way of self-awareness and peace, self-expression, transfer of thinking into personal culture, establishing and maintaining relationships, spiritual practice of seeking the truth. It is stated, that at present the verbal component is being reduced in speech practices, as well as there is ignoring the meanings and references to syncretic visual images. According to the author of the article everyday life structures, which ignore or cover up the universal sense of human activity, can't become a valid cultural resource. It is proposed to apply to the practice of returning meanings through updating the content of basic cultural concepts when working with a word. Since the speech activity follows the laws of human activity in general, the work with the word allows approaching the understanding of universal meanings that underlie a man; his ancestral characteristics, their wording and experiencing.

Keywords: culture, antropopractice, word, concept, subject, action, object, activity, cultural universal.

References

1. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennessansa* [Creativity Francois Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Hudozhestvennaja literature [Publ. "Fiction"], 1990. 543 p.
2. Vitgenshtejn L. *Filosofskie issledovanija*. [Philosophical Investigations] – Moscow: AST: Astrel' Publ., 2010. 347 p.
3. Doroshevskij V. *Jelementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow: Progress Publ., 1973. 286 p.
4. Mirimanov V.B. *Universalii dopis'mennogo iskusstva* [Universal preliterature art] // Literaturnye arhetipy I universalii [Literary archetypes and universal]. Moscow: RSGU Publ., 2001, pp. 11–72.
5. Smirnov S.A. *Artopejzis cheloveka. Filosofskie ocherki po antropologii stiba* [Devil's Bridge: Introduction to Anthropology transition]. Novosibirsk: NGUEU [NSUEM Publ.], 2011. 389 p.
6. Smirnov S.A. *Chertov most: Vvedenie v antropologiju pereboda* [Autopoiesis person. Philosophical Essays on anthropology verse]. Novosibirsk: NGUEU, 2010. 492 p.
7. Tihomirova E.E., Kolechkova O.I. *Jeticheskie koncepty kul'tury kak osnova vospitanija* [Ethical concepts of culture as the basis of education] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2011. no. 3, pp. 54–61.